
Восприятие детьми семейного насилия

Тащёва А.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Южного федерального университета (annaivta@mail.ru)

Гриднева С.В., кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии Южного федерального университета (gridneva-sveta@mail.ru)

В процессе развития детей с усвоением социальных стереотипов и общекультурных представлений о насилии формируются два относительно самостоятельных понятийных блока представлений о насилии в семье. Первый возникает на базе абстрактных содержательных характеристик, описывающих насилие в терминах, отстраненных от реального опыта семейных отношений; второй блок представлений о семейном насилии формируется на основе конкретного опыта семейных отношений и усвоения детьми доступных их непосредственному наблюдению паттернов инструментального использования отдельных элементов поведения насилия, известных детям по абстрактным понятиям из первого блока. Другими словами, через опыт семейных отношений в сознании детей происходит конкретизация общих абстрактных представлений о насилии, что особенно заметно при сравнении семантического пространства понятия «насилие» в основной и контрольной группах. У детей с опытом жертвы домашнего насилия доминирует представление о насилии как рукоприкладстве и моральном подавлении. Дети без опыта насилия в семье чаще воспринимают его как убийство или изнасилование, совершаемые чужими людьми вне семьи.

Ключевые слова: семейное насилие; домашнее насилие; социально-перцептивная сторона насилия; семантическое поле детских представлений о насилии; проявления насилия в семье; дети о насилии в семье; опыт «жертвы» домашнего насилия и поведенческие проявления насилия у детей.

Одним из основных аспектов изучения проблемы насилия психологами является социально-перцептивная сторона насилия как специфического коммуникативного акта, в котором находят свое отражение определенные социальные представления [3; 4]. В условиях крайней социальной нестабильности в современной России существенно возросло количество случаев «некриминальных» и непатологических форм осуществления так называемого «семейного», «домашнего» насилия [8; 9]. Однако большинство работ о семейном насилии имеет публицистический характер и обычно ограничивается рассмотрением жестокого обращения с детьми. Проблема насилия, как правило, описывается с объективистских позиций стороннего наблюдателя, ретроспективно фиксирующего внешние формы проявления и оставляющего за пределами анализа действительно психологические аспекты исследуемого предмета. Редким исключением являются работы, в которых приводятся эмпирические данные о субъективном восприятии

домашнего насилия самими жертвами такого поведения [9]. Слабоизученным остается и вопрос формирования когнитивной основы насильственного поведения в детском возрасте. Доминирующими концепциями по-прежнему являются бихевиористские представления об оперантном характере усвоения детьми опыта насилия в семье [3].

К актам домашнего насилия ведут две группы взаимодействующих факторов: ситуации взаимодействия между взрослым и ребенком, а также личностные особенности насильника и его жертвы. Субъект и объект семейного принуждения связаны тесным личностно-бытовым контактом, в котором особенно остро проявляется значимость конфликта интересов и установок на немедленное и обязательное удовлетворения желаний [8; 9]. И если другие формы насилия можно объяснить эмоциональной и социальной дистантностью участников такого взаимодействия, то насилие в семье выступает как крайняя форма идентификации с личностью партнера. Здесь насильник воспринимает члена семьи как продолжение себя; он гиперфокусирован на его потребностях и целях, которые, в конечном счёте, оказываются потребностями и целями домашнего насильника, что лишает жертву персональной ответственности за свое поведение. В основе насилия оказывается межличностный конфликт, порожденный субъективными оценками и односторонними притязаниями. Нередко интимно-личностная близость членов семьи выступает как возможность безнаказанного высвобождения негативных эмоций или удовлетворения социально неприемлемых потребностей, проявление которых невозможно в других социальных ролях. В этом случае происходит перенос мотива агрессивного поведения на более доступный объект. Так, Д. Гилл, исследуя динамику проявления агрессивности по отношению к детям разных возрастов, установил, что исходный уровень насилия над ними в семье фиксируется в возрасте от года до двух лет. Затем в возрасте от трех до девяти лет число случаев насилия удваивается; в возрасте от девяти до пятнадцати лет частота таких случаев снижается до исходного уровня; и после шестнадцати лет они постепенно исчезают. Таким образом, автор приходит к выводу, что наиболее интенсивно домашнее насилие над ребенком проявляется именно тогда, когда он еще остается достаточно зависимым от взрослых, но уже проявляет собственную волю и начинает противодействовать желанию взрослого полностью подчинить его себе.

К известным психологическим особенностям личности насильника в любых видах взаимодействия людей домашнему насильнику полагаем необходимым добавить так называемую «триаду Э. Гринвальда»: эгоцентричность, принятие ответственности только за желательные результаты деятельности и устойчивость к когнитивным изменениям (Каган В.Е., 1992). По мнению В.Е. Кагана, «триада Э. Гринвальда» основывается на тоталитарном сознании советского и постсоветского общества, которое стремится к достижению тоталитарного единообразия, внешней целесообразности через ограничение круга возможностей и свободы человека. Внутренняя конфликтность мышления человека постсоветского общества имеет индивидуально-личностные, социокультурные предпосылки и заключается в разведении декларативных и реальных аспектов «Я». В.Е. Каган и А.И. Тащёва отмечают, что первопричиной агрессивного поведения является тоталитарное сознание общества, которое генерирует и эксплицирует агрессию детей, родителей и педагогов (Каган В.Е., 1992; Тащёва А.И., 2008). В рамках семейных отношений это оборачивается противостоянием «реальных» взрослых и детей, которым родители

пытаются «привить» идеальные качества, что, в конечном итоге, вызывает ответное противостояние детей взрослым. В.Е. Каган пишет, что родители исполнены самых добрых побуждений, но руки этого добра чаще скрещены на груди, вытянуты в указующе-повелительном жесте или сжаты в кулаки, чем раскрыты для объятий [1]. Автор отмечает, что поскольку тоталитарное сознание стремится избежать неудач, ребенок из субъекта социального взаимодействия становится объектом воздействия. Ребенок не принимается таким, каков он есть. Ему предписывается быть таким, каким быть он не может или не хочет. По мнению А.И. Тащевой, главное в данном случае – ориентация родителей на их идеал дитя либо на их собственные, по разным причинам нереализованные мечты и личные планы. Однако подобное насилие достаточно часто не воспринимается социумом в качестве насилия. Окружающие воспринимают его как нормативное, особенно если это насилие совершается не прямо, а косвенно, является не физическим, а психологическим. Атмосфера тоталитарного сознания задает и более тонкий контекст отношений, когда объективно ненасильственные действия воспринимаются самим ребенком как насилие.

Ряд авторов указывают на то, что формирование личности насильника происходит и в так называемых «маргинальных» семьях, характеризующихся низким уровнем социальной адаптации и культуры, враждебными взаимоотношениями, имеющих асоциальные установки, нередко сочетающиеся с бытовым алкоголизмом. В этих семьях родители обычно не уделяют или уделяют мало внимания процессу воспитания детей. Проявления паттернов насилия здесь связываются с недостаточной социализацией, когда ребенок не научается контролировать свои агрессивные импульсы или сублимировать их, не усваивает нравственных установок и гуманистических ценностей культуры, не имеет опыта положительных, доверительных эмоциональных контактов [8; 9; 10]. Излишне либеральный тип семейных отношений также тесно связан с проявлениями домашнего насилия, но уже со стороны детей над взрослыми. Психологи утверждают, что агрессивное поведение детей в последнем случае проявляется потому, что родители не показывают отрицательного отношения к этому типу поведения, что еще больше дезориентирует подрастающую личность, усиливает её социальную дезадаптацию.

В ряде случаев факты насилия (особенно физического и, в первую очередь, его крайней формы – детоубийства) возникают в условиях психотравмирующей ситуации. Здесь насилие выступает как реактивное поведение на фоне соматического ослабления и астенических состояний, сопровождающихся дезорганизацией поведения, сужением сознания и другими психопатологическими явлениями. Личности, допустившие инцест, часто оказываются алкоголиками, психопатами либо незрелыми, слабыми, не уверенными в себе людьми, испытавшими опыт сексуальной несостоятельности с другими людьми. Они утверждают на более слабых, часто расценивают произошедшее как результат искренних, сердечных отношений.

Психологи обращают внимание, что насилие по отношению к детям также связано с неподготовленностью взрослых членов семьи к роли «быть ответственным и заботливым родителем». А.И. Тащевой обнаружена положительная корреляционная зависимость форм насилия, усвоенных в родительской семье, и форм насилия, используемых респондентами по отношению к близким. В то же

.....

время не выявлено статистически достоверной связи между насилием и злоупотреблением алкоголем. Как показало другое исследование, насилие в алкогольной семье имеет специфические проявления [8].

А.И. Ташёва, однако, отмечает, что сам феномен домашнего насилия нельзя адекватно представить, сведя данную проблему только в область глобальных общественно-экономических причин, грубых социальных отклонений или патопсихологии. Даже в самых благоприятных внешних условиях не существует абсолютно бесконфликтных семей. Поэтому решающим психосоциальным фактором в возникновении поведения насилия в семье следует признать восприятие ситуации как конфликтной, интерпретацию конфликта членами семьи и приписывание ими друг другу разнообразных свойств характера, особенностей и причин фрустрирующего поведения, ответственности за успех или неудачу взаимодействия [6; 7].

Ответное применение семейного насилия в различных его видах (физическое, сексуальное, психологическое) возникает на базе сформированных в процессе онтологического развития «внутренних моделей внешнего мира» (А. Бандура). На их основе при определенных обстоятельствах формируется реальное поведение ребенка, а затем и взрослого, в котором проявляются и находят свое выражение наблюдавшиеся прежде свойства усвоенных моделей внешнего мира. Наблюдаемые способы псевдорешения проблем с помощью насилия налагаются на ранний чувственный опыт насилия в младенческом периоде, когда складываются первые представления дитя об окружающем мире [2; 10; 11]. Именно это дает основание А. Менегетти назвать семью «питомником» аномального и асоциального программирования, «инкубатором» насилия [4]. Из детской психологии известно, что эмоции появляются у детей раньше других элементов психической жизни. Они объединяют ребенка с ближайшим окружением (прежде всего с родителями). Каждая эмоция связана с двигательной реакцией, которая затем осмысливается в процессе имитации посредством идентификации с действующим взрослым: через заимствование мыслей, чувств, поступков членов семьи по отношению к себе. В этом заимствовании и формируется внутренняя модель внешнего мира. Поступки взрослых сообщают не столько внешние свойства модельных отношений с миром, сколько несут информацию об их сути. По Дж. Аронфирд, главным условием имитации является совпадение наблюдения модели с сильным аффективным состоянием ребенка, при котором внешнее представление о поведении модели (родителя) становится аффективно значимым (Обухова Л.Ф., 2008).

Эмпирические исследования показывают, что действительно имеется однозначная положительная корреляция между опытом семейного насилия в детстве и наблюдаемым поведением насилия в настоящем. Так, Кауфман и Зингер определили, что уровень передачи из поколения в поколение стилей поведения родителей, включая использование физических наказаний, варьирует в пределах 30,0-35,0%, то есть является отнюдь не случайным совпадением. Альфаро и Краткоски утверждают, что дети, подвергавшиеся насилию в семье, обнаруживают поведение насилия по отношению к другим людям; Льюис и др. доказали, что жестокое поведение свойственно детям, чаще подвергавшимся физическим наказаниям, чем детям, не имевшим такого опыта; Гуттерс и Райх свидетельствует, что семейное насилие не только ведет к воспроизведению экстернатальных форм насилия, но может сформировать саморазрушительное поведение, включая

суицидальное. Многие авторы полагают, что на развитие насильственных форм взаимодействия влияют не только реальная практика жертвы насилия, но и наблюдаемое детьми насилие над другими людьми: в семье, в телепередачах и фильмах, когда ребенок может усвоить насилие как инструмент достижения желаемого.

Поведение взрослых в семье, следуя представлениям Л.С. Выготского о развитии детской психики, можно охарактеризовать как источник развития, из которого ребенок черпает информацию сначала о мотивационной стороне поступков и только затем об операционально-технической [5]. Следовательно, продуктом подражания оказывается психологический образ домашнего насилия, который и обеспечивает понимание ребенком действительных задач и мотивов испытываемого им насилия, создает ориентацию в смыслах и характере человеческих отношений вообще. Формирование психологического образа определяется переживаниями. У детей и у взрослых постоянное принуждение формирует чувство слабости, потребность в объекте манипулирования, самоутверждения, высвобождения подавленных чувств. Возникающие при этом негативные эмоции делают человека особо чувствительным к несоответствиям внешних объектов и других людей своим ожиданиям, что провоцирует ответное насилие для сохранения чувства самоэффективности и удовлетворения своих интересов.

Итак, представленный выше литературный обзор свидетельствует, что явление насилия в семье имеет ряд причинных факторов. Социальной базой домашнего насилия является тоталитарное общественное сознание, социальные стереотипы семейных отношений, социально-экономические условия существования семьи. Названные базовые условия вступают во взаимодействие с социально-психологическими факторами: отрицательной социализацией и персональным опытом переживания насилия в детстве, ощущением личностной неудовлетворенности вследствие фрустрации витальных и социальных потребностей; восприятием насилия как доступного и эффективного средства решения личных проблем, которое складывается в реальном и наблюдаемом опыте социальных взаимодействий. Все это накладывается на психологическую основу личности, склонной к применению насилия: когнитивную ригидность, эгоцентричность, психопатологические изменения, а также на слабость волевого компонента личности жертвы.

Несмотря на устойчивые представления о ведущей роли семьи как института «социального научения» в возникновении и осуществлении поведения насилия, нам не удалось обнаружить работы, посвященные восприятию домашнего насилия детьми. Таким образом, в данной работе предпринята попытка исследования проблемы семейного насилия глазами самого ребенка, а не стороннего наблюдателя.

Отсутствие разработанной на современном уровне теоретической основы рассмотрения проблемы насилия в семье с психологической точки зрения не позволяет использовать эффективные подходы к профилактике и коррекции проявления насильственных форм выражения агрессии. Особое значение в этих условиях приобретают социально-перцептивные исследования проблемы насилия у детей дошкольного возраста.

Авторами предпринят опрос 479 дошкольников с помощью детского варианта авторской анкеты А.И. Тащёвой на исследование насилия в семье.

Опрос проводился в ДОУ № 116, 237, 291, в СПК «Начальная школа – детский сад» «Лукоморье» (г. Ростов-на-Дону) в 2007–2012 годы. Достоверность полученных результатов определялась с помощью многофакторного дисперсионного анализа Фридмана и корреляционного анализа (коэффициент корреляции r^2 при уровне достоверности $p < 0,05$ и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Анализ материалов эмпирического исследования позволяет сделать статистически достоверные **выводы**.

1. Существует шесть основных видов поведения, которые дети 5–7 лет считают насилием: убийство, рукоприкладство (побои), изнасилование, моральное подавление, унижение, принуждение. Наиболее распространено представление о насилии как физическом воздействии: убийстве и рукоприкладстве.

2. Дети, не имеющие опыта домашнего насилия, воспринимают последнее как абстрактное преступное деяние (убийство, рукоприкладство, изнасилование): «Бандит стреляет в другого бандита, тот падает и умирает насовсем»; «Взрослые мальчики больно дерутся на улице руками и ногами – прямо кровь может с человека капать» или «Дядя тёте делает больно, и она горько так плачет».

3. Дети, пережившие опыт жертвы насилия в семье, воспринимают его как конкретную форму физического принуждения (побои), сочетающегося с моральным подавлением личности: «Папа, когда злится, бьет меня и маму»; «Мама, когда у неё плохое настроение, злобно говорит, что лучше бы меня, такой бестолковой, не было».

4. 39,0 % опрошенных детей не имеют сколько-нибудь ясных и четких представлений о насилии в семье и причинах его возникновения – они лишь ссылаются на усвоенные ими с помощью средств массовой информации «культурные» образцы либо на собственные ощущения психологического дискомфорта, грозящей им опасности и т. д.: «Бандюганы ездят по городу на крутых машинах и стреляют в кого хотят» или «У мамки глаза становятся злые-злые – лучше куда-нибудь тихонько запрятаться»...

5. Имеются четкие гендерные отличия в восприятии насилия. Так, мальчики воспринимают насилие как инструмент для эффективного изменения нежелательного поведения других людей, девочки чувствуют насилие как средство воздействия на личность с целью изменения «плохих» качеств другого: «Когда мой младший брат царапается, я ему по лбу даю – очень даже помогает» и пр. Как правило, дети из полных семей воспроизводят образцы мотивировки подобных поступков, усвоенные ими от родителя схожего пола: «Папа говорил, что, если бандит на человека нападает, то его и убить можно. А мама заплакала и сказала, что детям лучше одним не гулять по нашей стране сейчас».

6. Главной причиной, по которой люди подвергаются семейному насилию, респонденты считают провоцирующее поведение жертвы при нарушении

последней принятых в семье норм и правил. Само насилие дети воспринимают как эффективное средство «исправления» поведения или личности жертвы.

7. В процессе семейного воспитания с репрессивными элементами у детей нередко возникает положительный образ человека, прибегающего к насилию, которое, по их мнению, направлено на коррекцию их нежелательного поведения. Таким образом, у части детей может формироваться положительное восприятие насильственных действий как вынужденного средства адаптации к фрустрирующим ситуациям социального взаимодействия ребенка с близкими: «Я плохая, поэтому папа и мама меня иногда бьют».

8. Респонденты с опытом жертвы семейного насилия сами приблизительно в три раза чаще по сравнению с детьми без такового используют физическое принуждение в отношениях со сверстниками. При этом первая группа ребят не просто воспроизводит пережитые в личном опыте семейной жизни формы насилия, а осознанно выбирает виды насилия по отношению к другим в зависимости от содержательного контекста ситуации и целей своего поведения.

Дети с опытом жертвы насилия в семье считают данное явление обыденным или описывают его как действие, временно вызывающее психологически некомфортное состояние; они вынужденно научаются эмоционально отстраненному восприятию насилия и приобретают навык рассматривать насилие в качестве нормативного способа заставить жертву испытать чувство унижения в ответ на фрустрацию своих потребностей: «Ладно, что папка дерется, он зато сказал, что за меня голову кому хочешь отвернет – вот какой у меня добрый папка».

1. Типичные реакции жертв на насилие (плач или попытки сопротивления) становятся критерием оценки эффективности воздействия насильника на поведение или личность жертвы: «Плачет – не будет дразнить меня».

2. В качестве факторов, защищающих семью от насилия, опрошенные дети из контрольной группы выделили любовь, бережное отношение друг к другу, наличие социально одобряемых личностных черт у всех членов семьи, высокую культуру поведения, защиту от негативного воздействия «плохих» людей вне семьи и благосостояние: «Родитель, когда любит ребенка, он хороший, он ребенка своего не бьет, а жалеет».

В процессе развития у детей формируются два относительно самостоятельных понятийных блока представлений о насилии в семье. Первый возникает на базе абстрактных содержательных характеристик, описывающих насилие в терминах, отстраненных от реального опыта семейных отношений («убийство», «драки бандитов», «изнасилование»), что связано с усвоением социальных стереотипов и общекультурных представлений о подобном виде поведения.

Второй блок представлений о семейном насилии формируется на основе конкретного опыта семейных отношений и усвоения детьми доступных их непосредственному наблюдению паттернов инструментального использования отдельных элементов поведения насилия, известных детям по абстрактным понятиям из первого блока. Другими словами, через опыт семейных отношений в сознании детей происходит конкретизация общих абстрактных представлений о

насилии. Это особенно заметно при сравнении семантического пространства понятия «насилие» в основной и контрольной группах. У детей с опытом жертв домашнего насилия доминирует представление о насилии как рукоприкладстве и моральном подавлении. Дети без опыта насилия чаще воспринимают его как убийство или изнасилование, совершаемые чужими людьми над посторонними для них людьми.

Опыт семейной жизни дает детям и нормативные образцы инструментально-целевого использования актов насилия в различных ситуациях межличностного взаимодействия; развивает у них устойчивость к восприятию и переживанию эмоциональных и физических последствий поведения насилия; задает способы его причинно-следственного обоснования.

Система тоталитарного воспитания, рассматривающая насилие и принуждение в качестве наиболее эффективного средства социализации детей, формирует восприятие насильственных действий как главного источника порядка, стабильности, наиболее действенного способа утверждения нормативного поведения и решения конфликтов.

Осуществление насилия значимым взрослым (родителем, другим родственником) приводит к созданию у ребенка положительного образа насильника и к ценностному оправданию насильственных действий, что может формировать «двойной» стандарт восприятия насилия. По сути, дети с опытом жертвы семейного насилия не воспроизводят нейтрального образа насильника, а исключительный случай негативной генерализации восприятия отца, бьющего свое дитя, вытесняется из сознания последнего либо ребенок все-таки находит положительные качества папы: «Он добрый, но бывает злой».

Эмпирические данные позволяют утверждать, что дети не просто воспроизводят в результате оперантного научения формальную сторону пережитого опыта жертвы семейного насилия, а усваивают его сущность и инструментально-целевое содержание, что позволяет им осознанно выбирать различные формы осуществления насилия в собственном опыте общения со сверстниками в зависимости от контекста ситуации и целей своего поведения.

Литература

1. *Каган В.Е.* Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание / Вопросы психологии. № 1. 1992. С. 14–21.
2. *Лейтц Г.* Классическая психодрама Я.Л. Морено. СПб.: КЛАСС, 2008. 326 с.
3. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер-пресс, 2007. 684 с.
4. *Менегетти А.* Система и личность. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 206 с.
5. *Обухова Л.Ф.* Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 2008. 360 с.

6. *Тащёва А.И.* Методики для исследования межличностного восприятия в конфликтной ситуации: Методические рекомендации. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРГИ, 2009. 57 с.
7. *Тащёва А.И.* Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах. Автореф. дисс... канд. психол. наук: 19.00.05. М.: МГУ, 1987. 19 с.
8. *Тащёва А.И., Зелинская С.Ю.* Насилие в алкогольной семье // Психологический вестник. Вып. 1 (ч. 2). Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. С. 52–63.
9. *Тащёва А.И.* Семейное насилие как поведенческое проявление агрессии: Методические рекомендации. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРГИ, 2008. 52 с.
10. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. М.: Аспект, 2008. 250 с.
11. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. СПб.: КЛАСС, 2008. 446 с.

Children perception of abuse in family

Taschyova A.I., Ph.D., assistant professor of psychology, personality, Southern Federal University (annaivta@mail.ru)

Gridneva S.V., Ph.D., Associate Professor, Department of General Psychology and Psychology of the Faculty of Psychology of the Southern Federal University (gridneva-sveta@mail.ru)

With learning of social stereotypes and common cultural representations of violence during the process of child development, two relatively independent conceptual units of understanding of family abuse are formed. The first one arises on the basis of abstract substantive characteristics that describe violence in terms discharged from the actual experience of family relationships. The second block of domestic violence understanding is based on specific experience of family relationships and children learning of patterns of instrumental use of the individual elements of violent behavior, known to children by abstract notions from the first block. In other words, through the experience of family life, in the minds of children occurs specification of abstract representations of violence, which is most noticeable in comparison of semantic spaces of the concept of "violence" in experimental and control groups. In children having experience of being victims of domestic violence, dominates representation of violence as physical abuse and moral repression. Children with no experience of domestic violence often think of it as murder or rape committed by strangers outside the family.

Keywords: family violence, domestic violence, social and perceptual aspects of violence, semantic space of children's representations of violence, home violence, children view on domestic violence, experience of being "victim" of domestic violence and violent behavior in children.

References

1. *Kagan V.E.* Totalitarnoe soznanie i rebenok: semejnoe vospitanie / Voprosy psihologii. № 1. 1992. S. 14–21.
2. *Lejtc G.* Klassicheskaja psihodrama Ja.L. Moreno. SPb.: KLASS, 2008. 326 s.
3. *Majers D.* Social'naja psihologija. SPb.: Piter-press, 2007. 684 s.
4. *Menegetti A.* Sistema i lichnost'. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 206 s.
5. *Obuhova L.F.* Detskaja psihologija: teorii, fakty, problemy. M.: Trivola, 2008. 360 s.

6. *Tashhjova A.I.* Metodiki dlja issledovanija mezhlichnostnogo vosprijatija v konfliktnoj situacii: Metodicheskie rekomendacii. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuRGI, 2009. 57 s.
7. *Tashhjova A.I.* Atributivnye processy v supruzheskih konfliktah. Avtoref. diss... kand. psihol. nauk: 19.00.05. M.: MGU, 1987. 19 s.
8. *Tashhjova A.I., Zelinskaja S.Ju.* Nasilie v alkohol'noj sem'e // Psihologicheskij vestnik. Vyp. 1 (ch. 2). Rostov-na-Donu: RGU, 1996. S. 52–63.
9. *Tashhjova A.I.* Semejnoe nasilie kak povedencheskoe projavlenie agressii: Metodicheskie rekomendacii. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuRGI, 2008. 52 s.
10. *Frejd Z.* Vvedenie v psihoanaliz. M.: Aspekt, 2008. 250 s.
11. *Fromm Je.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. SPb.: KLASS, 2008. 446 s.